

ЛИЧНОСТЬ ИЛИ ВИНТИК? ВОПРОС ПРЕЕМСТВЕННОСТИ В ОБРАЗОВАНИИ И ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

В. Г. Тимофеева

Лицей № 8 г. Воронежа

Вопрос образования — это всегда и прежде всего вопрос преемственности. Иллюзия самодостаточности знаний, знания как такового, т.е. усвоенного набора фактов, представлений, аксиом, уже сыграла свою негативную роль в обществе около 130—140 лет назад: позитивизм породил нигилизм, нигилизм прошелся катком по авторитетам и вывел на первый план и первые роли в истории сначала «кряжевого семинариста» (это тысячи разночинцев, комплекс социальной неполноценности носителей традиционной культуры: дворянской или народной — все равно). Такой путь привел к радикальному упрощению содержания самого понятия знания — уже не самодостаточного, а просто достаточного. Утверждение в качестве основополагающего труда «Майн кампф» Гитлера, «Краткого курса ВКПб» или цитатника Мао Цзедуня было регрессом по сравнению с любым сводом знаний и законов доначинского общества. Так, «Яса» Чингисхана все же опиралась на мощную традицию жизни и верований народов, а не на произвол вождя племени; «Поучение» Владимира Мономаха — на духовное осмысление в свете православия писаных и неписаных законов жизни и деятельности государя. Если идти дальше в глубь веков — мы прежде всего вспомним титанические фигуры Конфуция на Востоке и Платона на Западе, утверждавших несостоятельность, неподлинность знания без ритуала, традиций, преемственности, прямого учения у учителей.

Наше счастье, что XX веку не по зубам оказалось разгрызть, раскрошить на мелочи и уничтожить наследие тысячелетий человеческой цивилизации: общественный институт учительства и ученичества, понятие школы, понимание неотъемлемости иерархии начального, среднего и высшего образования.

Учатся у учителя и преподавателя, но не у учебников, на большинстве которых прямо обозначено: «пособие». И только.

Что же является традицией, перенимаемой вузом у школы? Прежде всего, это опыт работы с личностью, а не с массой. Долгое время считалось, что школа потому и средняя, что выпускает однородно сформированный «человеческий

материал» (болванку), из которого впоследствии в университете или институте выточат узкого специалиста либо — вот где штучная работа! — ученого. Однако рубеж XX—XXI вв. оказался пограничным и для подобного подхода к образованию. В течение всех 80-х — 90-х гг. минувшего столетия передовые учителя, деятели системы просвещения доказывали обществу необходимость индивидуального обучения (Е. Ильин вообще предлагал ввести в школе «Человековедение»), насущность дифференциации учащихся не только по способностям — их можно и нужно развивать, — но и по интересам. Школе предлагалось выпускать не «колесиком и винтик» государственного механизма, но личность, во-первых, самостоятельно и творчески мыслящую, во-вторых, не связанную обязанностью на довольно углубленном уровне (как это было в советской школе) изучать маргинальные для данной личности дисциплины. Появилось понятие профилизации, причем выпускники профильных классов начали заинтересовывать работодателей. В самом деле, выгоднее принять в офис девочку с аттестатом о среднем образовании, но с сертификатом о знании двух языков, чем выпускницу РГФ с ее углублением, скажем, в тонкости старофранцузского, «крайне необходимого» в современном делопроизводстве, и с ее же претензией на достойную молодого специалиста оплату. Знание ПК, освоение редакторских программ, фотошопа, графики вообще делают 16—17-летнего востребованным специалистом.

То есть специализация, нацеленность на подготовку кадров для конкретной области хозяйства как бы спустилась в среднее звено и столкнулась со встречным движением — с индивидуализацией, с развитием личности, которая и на месте менеджера младшего звена, и на месте оператора ПК «колесиком и винтиком» быть отказывается. Перефразируем В. Пелевина: не хочет быть криэйтором, хочет быть художником.

А может ли? Допустим, в лицее № 8 г. Воронежа работает преподаватель музыки Л. В. Парыгина, выпускница Гнесинки, организовавшая в свое время ансамбль подлинно народного пения; рисованию учит специалист с высшим художественным образованием Л. Н. Шпаковская, жена и мать тех самых художников В. Е. Шпаковского

и М. В. Шпаковского, что заслуженно заняли почетные места в Воронежской историко-культурной энциклопедии, а работы этой семьи известны по обе стороны Атлантического океана. Но подобных трудящихся в школе специалистов на весь город, наверное, не более количества пальцев на одной руке. К требованиям XXI в. система среднего образования оказалась не готова кадрово. И тогда в школы, гимназии, лицеи пришли вузовские преподаватели, прежде всего — классического университета, ВГУ.

Лекция, прочитанная профессором, полезна в деле обучения: 1) знакомством с личностью масштабной (учитель, даже самый титулованный, для детей — член семьи, мамка и нянька, а значит, маленький и слишком специфический авторитет); 2) знакомством — на слух — с правильно поставленной книжной речью; 3) знакомством с научным способом мышления, с работой аналитического аппарата мозга, с приемами не школярской, а научной систематизации материала, наконец, с умением выявлять взаимосвязи в фактах действительности, по внешнему представлению, различных, а то и полярных.

Общение с вузовским преподавателем дает детям ощущение подлинности: вот у меня на ладони осколок мозаики из Помпей (спасибо П. А. Бороздиной!), а вот мы в лаборатории, и передо мной настоящий лазер... Посещение музея народной культуры на филфаке или музея старинной и редкой книги научной библиотеки ВГУ это ощущение подлинности закрепляет и дает толчок к поискам подобного вокруг себя, к осознанию ценности давно привычного, будь то прабабушкина вышивка на домотканине или Библия прадедушки-священника с «ятями» и «ерами».

Однако быт ученика, особенно ученика в провинции, не имеет, как правило, ничего общего с миром, известным из книг, учебников, Интернета и пр. источников знаний. Когда же в школу приходит настоящий (!) философ, или историк, или физик, или филолог — это прорыв; для любого из сидящих в это время в классе явление вузовца народу есть прорыв его, сидящего, лично — из быта в бытие!

Как писал Б. Гребенщиков, всем нам свойственны «сны о чем-то большем».

Даже приходя в «массу» (в класс), вузовский преподаватель приходит к личности, ибо воздействие его оказывается для каждого ученика индивидуализированным в силу нового для этого ребенка опыта общения. Ученик, прошедший спецкурс на базе Басовской или Кольцовской гимназии, того же лицея № 8 и многих других воронежских школ, где в профильных классах работают вузовцы, — уже готов быть «штучным

экземпляром», ибо знает, зачем идет в ВГУ, ВГПУ, в курсе, в чем отличие мышления творческого от мышления банального, он уже имеет базовые профессиональные и личностные навыки, чтобы сделаться востребованным специалистом, но не стать «человеком-массой».

Там, где работают вузовцы... К сожалению, наша область опять вступила в очередной эксперимент, на сей раз по введению новой оплаты труда в школах. Есть опасение, что многие вузовские спецкурсы будут отменены. Финансовые интересы конкретной школы и конкретных администрации и учителей потребуют перехода к принципу «достаточности» уровня и качества знаний. Откат к школе 70-х — начала 80-х представляется не таким уж и плохим с точки зрения глубины образования, но не выдерживает критики в современных условиях все возрастающей специализации и индивидуализации. Без тесной связи школы с вузом, без преемственности и взаимопроникновения их интересов национальный проект реформы образования потеряет смысл.

Между тем сотрудничество учителей и вузовцев может принести больше пользы школе, чем университету. Академические занятия в высшем звене базируются на источниках, корпусе исследований мировой научной мысли по разным отраслям знаний, на экспериментальной основе и т.п. Средняя школа в основном оперирует учебником и методическими разработками по анализу текстов или способам преподавания математических, естественных и прочих основополагающих дисциплин. Однако, если обратиться к конкретному предмету, мне более близкому, а именно филологии, то приходится констатировать отсутствие стабильного учебника с внятной концепцией преподавания литературы с 5 по 11 класс. Их много, и об их недостатках и достоинствах говорено-переговорено. Основным недостатком, пожалуй, является слабая наукоемкость в сочетании с произволом разработчиков учебников в деле толкования фактов литературной действительности. Основным достоинством — расширенный набор имен, текстов, заданий творческого плана (хотя с этим связан и еще один важный убыток: современные учебники, как правило, в двух томах и, соответственно, стоят вдвое дороже). И вот сейчас на филфаке ВГУ идет своего рода эксперимент по созданию учебного комплекса по литературе для 11 класса, который разрабатывает кафедра русской литературы XX века в сотрудничестве со школой. Этот комплекс должен включать, кроме программы, хрестоматии и методических разработок, учебник в 1 (одном) томе внятного объема и содержания. В основе его — работы ученых, адаптированные для школьника, однако

отражающие не только классический, но и современный подход к анализу литературных явлений, что позволило бы школе не отставать от достижений отечественной и мировой научной мысли. Вместе с тем способ изложения под контролем учителей должен быть максимально приближен к восприятию ребенка, живущего в современных условиях. Потребность в таком учебнике неоспорима для любого практикующего педагога-словесника. Создать его без сотрудничества школы и вуза просто невозможно.

Будем надеяться на лучшее. Если мы не попустим, чтобы личность превратилась в «винтик» хозяйствующей машины, о деградации нации в духовном и образовательном плане говорить не придется. Но для этого должно быть само «Мы» — то есть утвержденное в веках сообщество — преемственность педагогов, учителей, преподавателей, ученых. Должна быть сохранена и на новом уровне продолжена традиция.